

Из предыдущей главы мы знаем, что процесс аналитического описания является детальной фиксацией того, что исследователь получил в поле от участников ситуации. Такое описание можно представить как расчерченное поле эмпирии. Оно является хорошей базой для начала собственно концептуального анализа и состоит в переструктурировании поля эмпирии в поле научного анализа. Это происходит путем сопоставления полученных данных с теоретическим знанием и построения на их основе определенной концепции, «мини-теории» описываемых событий. Исследователь из эмпирика-наблюдателя становится аналитиком. На этом этапе он сталкивается с проблемой представления полученных данных. В какой форме их изложить (в виде таблиц, матриц или повествовательного изложения)? Как из огромной массы эмпирических материалов выстроить научное видение исследуемого объекта?

Эмпирические данные дают только основу для анализа, а не диктуют ее. Для выстраивания определенного концептуального представления о реальности необходима серия определенных шагов, в результате которых действия и события могут быть переведены в научные категории.

КАТЕГОРИИ И СУБКАТЕГОРИИ

Первый шаг состоит в обобщении сходных данных в одной категории. **Категоризация** — есть метод, посредством которого разрозненные свидетельства объединяются в определенную совокупность, в один класс понятий, выраженных: социологической категорией. Категоризация всегда служит для определенных исследовательских целей. Обычно в тексте выделяется не более двадцати обобщенных категорий.

Так, например, в нашем примере с жителем Арбата П. первичная классификация «место рождения» и бат» могут быть объединены в одну большую категорию «идентичность», если проект ориентирован на это проблемное поле, или «культурная среда выхода» если в фокусе интереса динамика культурного становления личности.

На следующем этапе нам потребуется конкретизировать обобщенные категории в **субкатегории** для конкретизации условий их проявления: т. е. при каких условиях они реализуются или какие условия функционирования объекта приводят к данным результатам.

Дж. Кресуэл приводит аналогию с семьей. Если обобщенная категория — это семья, то субкатегории — дети, а внуки — непосредственный сегмент текстового материала. Другими словами, субкатегории находятся в некотором отношении подчиненности к обобщенной категории. Так, в случае с «арбатским жителем» при исследовании его «идентичности» как обобщенной категории могут быть введены более конкретные субкатегории: «идентичность с малой родиной», «идентичность с профессиональной средой», которые конкретизируют обобщенное понятие и выявляют условия его проявления и т. д.

Выделение таких субкатегорий необходимо для построения в дальнейшем *связей, зависимостей* между классифицированными фрагментами.

Рассмотрим пример анализа высказываний о род» авторитете отчима в семье из исследования Е. Мещеркиной [33, с. 312].

Отрывок из интервью: «... Конфликты с отчимом? Нет, были, конечно, иногда. Но вот, кстати, он никогда не любил меня учить чему-нибудь или, там, мораль читать. В основном мать, конечно. Она заставляла его даже ремешком меня стегать, но это редко было. Я на них не злюсь. А он считал, что я должен сам все понять, за это я ему благодарен... Он мне не насаждал свое мнение, но когда я уже подросток, уже окреп... К тому же я тогда года два, так 9—10 класс, занимался каратэ, чего-то умел. Помню даже пару раз было — я его побил. И с тех пор он вообще уже ко мне не приставал. Ну, так, поорет...»

Категоризация:

* отношения с отчимом (применение силы в воспитании, «жесткая» практика);

- * роли отчима и матери в воспитании (периферийная роль отчима, активная — матери);
- * изменение в семейных отношениях по мере взросления сына (занятия спортом, реализующие агрессивность, до-минантность);
- * ответная реакция сына по отношению к отчиму (ответное применение силы в споре с ним).

Исследователь первично выдвигает категории «отношения с отчимом», «роль отчима и матери в воспитании» и т. д., а затем конкретизирует их в субкатегориях, раскрывающих характер ее проявления в данных условиях. Это в дальнейшем может привести к построению частных зависимостей между разными субкатегориями: например, как «применение отцом силы в воспитании» сказалось на другой субкатегории — «агрессивности сына».

Субкатегории не должны пересекаться, они напоминают неупорядоченную номинальную шкалу в количественном исследовании: описываемые фрагменты либо «включены», либо «исключены» в данной номинации. Это условие является необходимым при построении впоследствии казуальных связей (связи зависимостей) между классифицированными фрагментами, что может быть выполнено только при соблюдении данного требования.

Теоретическое осмысление — весьма тонкая и трудоемкая аналитическая работа. В процессе классификации приходится по несколько раз вновь и вновь обращаться к первичному тексту, чтобы точнее сформулировать социологическое понятие, наиболее подходящее ко всем фрагментам, пассажам и ко всем анализируемым текстам. Такая аналитически-интуитивная деятельность исследователя требует воображения, понимания текста и стоящей за ним социальной реальности, но прежде всего — достаточной социологической культуры¹. Это процесс взаимодействия между проблемно-теоретическим полем исследователя и фрагментом социальной реальности, представленным текстом, в ходе которого сопоставляются, «примеряются» разные категории и окончательно выбирается та парадигма, которая наиболее подходит для данного исследования [16]. Такое решение не может быть механически-нейтральным; оно исходит из определенных исследовательских целей — что я достигну в результате использования тех или иных классификационных понятий?

Для успешного движения к конечной цели А. Страус советует периодически «отступать назад», к первичным данным, и задавать себе вопросы: А что там происходит? Совпадает ли мое представление о феномене с тем, что я увидел непосредственно в данных? Эмпирические данные не могут лгать, наверно, я иду не тем путем.

Сверяя свои данные с результатами предыдущих исследований, необходимо относиться к последним скептически, если они противоречат полученным вами эмпирическим данным. Проверьте, возможно те данные были выявлены в другом контексте? Может, были использованы другие категории?

В целом **классификация** означает организацию данных путем отнесения эмпирических результатов первоначально к обобщенным категориям (первичная классификация) и последующего разделения этих категорий на субкатегории для выяснения связей между ними.

Правила классификации:

Классификация является важным шагом концептуального анализа.

- Она предусматривает новое построение первоначального текста теперь уже на основе обобщенных понятий (кодов, тем, категорий).
- Классификация осуществляется на основе интеграции суждений здравого смысла и аналитической интуиции исследователя.
- Главная цель — сравнение фрагментарных данных, их обобщенное представление для последующего аналитического осмысления связей.
- Многократный пересмотр выбранных категорий способствует более адекватной классификации.
- Итоговая классификация должна соответствовать проблемным целям исследования.

¹ Известный логик Марио Бунде писал, что интуиция — это «хлам» ва чердаке нашей памяти, из которого по необходимости мы извлекаем нужные предметы.

Теперь, когда обыденные понятия классифицированы, мы можем: выявлять закономерности; вариации признаков и условия их появления; отклонения, сходства и различия в смыслах и образцах поведения в разных общностях.

МЕТОД АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУКЦИИ

Как справедливо отметил А.Тоффлер, нам хорошо удастся процесс расчленения данных, но при этом мы часто забываем, как соединить эти части снова. Я. Дей в этой связи добавляет, что такая проблема возникает тогда, когда мы забываем, что описание и классификация не являются самоцелью, а служат своей сверхцели — убедительно представить результаты проведенного анализа [75, с. 47].

Субкатегории — это строительные блоки качественного анализа. Мы их сконструировали. Но возведение здания требует соединения блоков в единое целое, руководствуясь определенным проектом постройки. Здесь аналогия со строительством обрывается, так как готового проекта постройки у нас нет. Что делает исследователь в этом случае? Он выявляет «естественные» *связи* между субкатегориями, чтобы посмотреть, каким образом они создают единое здание.

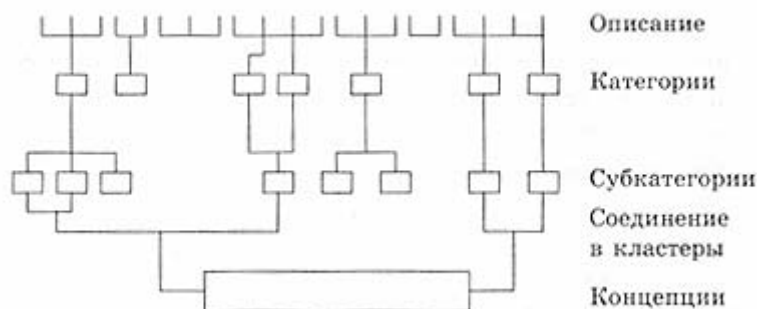

Рис. 5. Путь построения концепций на основании эмпирически описанных данных

Возвращаясь к образу возведения здания, скажем так: оно строится не из стандартных одинаковых блоков, но из глыб и камней разной формы и размеров. Их надо подогнать друг к другу, имея в проекте идею построения чего-то определенного: либо жилого дома, либо пристройки к нему, но не здания «вообще», как оно получится.

Методом проб и ошибок мы начинаем сопоставлять разные, на первый взгляд, несовместимые части в целое, для того, чтобы взглянуть иначе на уже известные вещи.

Итак, мы объединяем субкатегории в кластеры, которые объединяют внутренне тождественные и не связанные между собой категории в более емкие «образы».

Тогда весь путь к построению теории можно представить схематично как движение от первичного описания к классификации данных в категориях и субкатегориях; последующее выявление связей между отдельными субкатегориями, конструирование кластеров и построение концепций (рис. 5). Рисунок хорошо иллюстрирует весь процесс, включая отдельные «тупиковые» пути возведения здания: из отобранных категорий некоторые не вписались в будущий проект, некоторые субкатегории также остались вне «естественных» связей. Окончательная концепция состоит всего из двух кластеров, объединяющих внешне несвязанные данные.

Такой путь мы проделали в нашем исследовании передачи социально-культурных ценностей от поколения к поколению. Мы заметили, что часто взрослые исследуемые (1960—65 гг. рождения), имевшие бабушек 1900—1910 гг. рождения, в своих историях жизни упоминали, что именно бабушки (а не матери) оказали на них наибольшее влияние в детстве. В первых же интервью была отмечена очевидная связь между наличием бабушки и культурным уровнем внуков (раннее знакомство с грамотой и литературой, дополнительные внешкольные занятия, получение внуками высшего образования). Возникло основание для

первичной гипотезы о «культурном влиянии бабушек на воспитание внуков в русских семьях» (в связи с тем, что матери большую часть времени были заняты).

Оказалось, однако, что рано обобщать наши случаи в качестве русского «феномена бабушек». Там, где есть закономерности, должны быть и вариации, и отклонения. Обнаружились семьи, имевшие бабушек, но их влияние не было напрямую связано с уровнем образования и культурой взрослых внуков. Бабушки респондентов упоминались в качестве влияющего фактора, но с уровнем образования внуков это сочеталось не всегда. Такие исключения заставили внимательно присмотреться к «отклоняющимся» семьям.

В качественном исследовании всегда есть возможность вернуться и более подробно рассмотреть «ключевые» моменты, фигуры или события, характеризующие отклонения, которые тоже подлежат концептуализации. В приведенном примере мы искали отклонения от ряда случаев, первоначально обобщенных как «феномен русских бабушек». *В принципе, поиск отклонений, несоответствий первоначальному обобщению и есть ключевой способ обоснованной кластеризации.*

Мы отобрали такую семью и вернулись к первичному тексту интервью для более подробного рассмотрения эпизодов влияния бабушки на внука. В чем непосредственно оно состояло. Или, другими словами: каковы были обязанности бабушки в этой семье? Оказалось, что в «отклоняющейся» семье они в основном сводились к уходу за внуком, к функциям «няни». Наше предположение уточняется: не все бабушки выполняли функции культурного воспитания внуков, некоторые исполняли роль заботливой няни. Но почему в предыдущих интервью воспитательная функция бабушек регулярно повторялась, а эта семья оказалась исключением?

Вернувшись к исходным данным, мы убедились, что здесь бабушка не имела высокого образования и большую часть своей жизни прожила в деревне. Теперь возникла уточняющая гипотеза, которая заставила искать связь между несколькими категориями: влияние бабушек, культурный уровень внуков, функции бабушек в семье, а также среда, в которой воспитывалась сама бабушка, и ее образование. Впоследствии из этих категорий возникли субкатегории: «функции образованных бабушек» и «функции необразованных бабушек»; «культурный уровень внуков в образованных семьях» и «культурный уровень внуков в необразованных семьях». Сравнив функции бабушек из образованных и необразованных семей, мы пришли к окончательной формулировке концепции: бабушки из образованных семей по их социальной роли в семьях своих детей отличаются от бабушек из семей необразованных: первые становятся воспитателями и передают внукам культурный капитал, полученный в детстве, тогда как бабушки из необразованных семей не являются «трансляторами» культурного капитала, а выполняют функцию няни.

Заметим, что окончательная интерпретация данных проводилась в нашем примере в социологических категориях: «социальная роль в семье», «культурный капитал», «трансляция культурного капитала».

Таким образом, мы прошли путь *аналитической индукции*:

- первоначально упоминавшиеся в нескольких биографических текстах разнохарактерные занятия бабушек с внуками (бабушка пела песни, рассказывала сказки, кормила и ухаживала, когда болел, учила грамоте и т. д.) были объединены в категорию «функций бабушек в семье»;
- затем категория «функции бабушек в семье» была разделена на две субкатегории: «функции бабушек в образованных семьях» и «функции бабушек в необразованных семьях»;
- аналогично категория «уровень образования бабушки» была разделена на субкатегории (высокий/низкий); категория «среда выхода бабушки» на «интеллигентская» и «крестьянская»; «успехи внука» как категория на — «интеллектуал», «служащий», «простой»;
- затем субкатегория «функции бабушек в образованных семьях» функциям была соединена с, казалось бы, несвязанными с ней субкатегориями, описывающими ее среду выхода и жизненные успехи ее внука.
- в результате мы получили окончательные кластеры. Первый «образ» — «бабушка-воспитатель», которая передала культуру своей среды внуку, а второй — «бабушка-няня», которая ухаживала за внуком, была его семейным защитником, но не транслятором культуры своей среды.
- первый образ бабушки, как мы выяснили, характеризуется передачей культурного капитала бабушкиной семьи, тогда как второй — лишь функцией ухода за внуком.

Мы выделили, по выражению Знанецкого, *логические классы*, которые в данном случае представляют всю совокупность бабушек, хотя репрезентативно бабушек мы не изучали. Мы только предположили такое обобщение: все бабушки ведут себя аналогичным образом.

Таким или примерно таким образом достигается заключительный этап исследования — *восхождение к некоторой «мини-теории»*. *Используется логика аналитической индукции. Это метод, который предполагает интенсивное изучение отдельных случаев в качестве доказательства того, что некоторая закономерность имеет общий характер и распространяется на всю совокупность.* В нашем случае правомерность таких обобщений была подтверждена количественными данными лонгитюдного исследования молодых взрослых на большой выборке, где на основе факторного анализа обнаружилась связь между высоким образованием бабушки и уровнем образования внука, тогда как для «необразованных» бабушек такой зависимости найдено не было.

Однако в количественном исследовании мы смогли зафиксировать только связь между двумя переменными, здесь же удалось построить обобщенные «образы», модели социальных ролей бабушек в разных семьях.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ТЕОРИИ

Американские социологи А. Страус и Б. Глейзер [40] предложили иную концепцию качественного анализа, которую назвали разработкой *grounded theory* (восхождение к теории), т. е. создание мини-теории, непосредственно на основе концептуализации наблюдаемых фактов. Такая мини-теория как бы конструируется, выстраивается на фундаменте фактов из жизни или отдельного случая.

Исследователь выдвигает комплекс идей и, руководствуясь ими, концептуализирует определенный, узкий аспект обыденной практики. Другими словами, интерпретация узкого аспекта всесторонне проанализированного случая поэтапно ведет ко все более высокому уровню обобщения, вплоть до создания «теории данного случая». Выдвинутые идеи позволяют логически выстроить несвязанные части реальной жизни в определенную совокупность конструкций и таким образом создать целостную картину отстраненного видения некоторого отдельного аспекта социальной реальности. Проиллюстрируем это на примере, который мы уже приводили в главе III, но теперь уже с точки зрения *пути* построения теории.

Авторы детально описывают наблюдения за больными и медицинским персоналом в клинике. Обнаруживается, что во взаимоотношениях между ними немалую роль играют приборы и инструменты, часто причиняющие боль и страдания. В результате аналитического описания возникла обобщенная категория «стратегия борьбы с болью», которую они, в соответствии с конкретными формами проявления этой категории, представили в виде субкатегорий: «стратегия борьбы с болью техническими средствами» и «стратегия борьбы с болью через адаптацию к боли». Затем были сформированы два кластера, где каждая из стратегий рассматривалась в связи с конкретными последствиями для «состояния больного» и его «представления о боли». В результате авторы вышли на теоретическо-философское осмысление проблемы боли: что такое боль, как ее воспринимают люди и каким образом возможно нормальное существование человека в ситуации постоянных хронических болей [114].

Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит в концептуализации обыденного опыта, считают Б. Глейзер и А. Страус [113], и задачей исследователя является создание своей мини-теории. В этом отличие от количественного подхода, где цель — верификация, проверка уже существующих более общих теорий. Здесь же теории и идеи проверяются только в одном аспекте — насколько они адекватны по отношению к конкретным данным.

Согласно *grounded theory* любой аспект повседневной реальности можно концептуализировать. Восхождение от фактов к теории возможно благодаря тому, что:

- качественные данные всегда содержат информацию о структурах, отклонениях, нормах, процессах, образцах поведения и их результатах;
- полученные полевые данные могут считаться конечными (достаточными) для изучения некоторой узкоограниченной области социальной реальности, в рамках которой обычно действует не так много исследователей;
- эти сведения должны содержать информацию о разных сторонах жизнедеятельности объекта в единстве его сложностей, противоречий, т. е. в реальной ситуации бытия;

- проблема состоит в том, чтобы правильно систематизировать собранную информацию, закодировать ее, а затем — проанализировать так, чтобы в результате она приобрела теоретический смысл.

Рассмотрим, каким образом происходит построение некоей мини-теории при изучении двух случаев: истории жизни двух людей в конкретный период советской истории — России 30—40-х годов [39, с. 144—179].

Мы начинали с «плотного описания» профессиональной карьеры одного респондента Ивана Д. и классифицировали его жизненные эпизоды в понятиях социальной мобильности. Выяснили, что в 30—40-е годы эпизоды его социальной мобильности сменялись очень часто — примерно раз в два года Иван Д. менял место жительства в связи с переходом на новую работу. Его стратегию в понятиях социальной мобильности можно назвать высокой социальной мобильностью в эти годы (см. данные ниже). Она имела особый характер: это постоянное мигрирование по отдаленным от столицы местам, как бы кружение по разным точкам:

1932 — Мариуполь, экономист комбината «Никель».

1933 — Никополь, начальник планового отдела комбината.

1935 — Комсомольск-на-Амуре, начальник планового отдела стройки.

1938 — Азовсталь, начальник планового отдела комплекса.

1939 — Магнитогорск, начальник планового отдела промышленного комплекса.

1942 — Липецк, главный инженер реконструкции завода.

1949 — Москва, строительство высотных зданий.

1950 — Москва, начальник отдела Министерства строительства.

Описывая эту стратегию в контексте того времени, можно предположить, что такая мобильность была: а) следствием общего высокого уровня мобильности в те годы, б) следствием индивидуальных особенностей Ивана Д., победным шествием его по стройкам социализма.

С точки зрения *grounded theory*, для выяснения причин и следствий весьма важным является *сравнительный анализ аналогичных случаев* для выявления их противоположностей.

Мы пошли по этому пути и сравнили стратегию профессиональной мобильности этого участника исследования с мобильностью другого человека, Ивана К., который принадлежал к тому же поколению, имел примерно тот же статус в конце профессиональной карьеры, принадлежал к тому же социальному кругу (они были сватами, отцами супругов). У второго Ивана — Ивана К. в эти же годы (30—40-е годы) также была высокая мобильность. Однако характер мобильности другой — это путь быстрого вхождения в центральные руководящие органы, во власть. При одинаково быстрых темпах смены работ он в 1932 году только приехал в Москву разнорабочим, а к 1949 году стал начальником отдела в Министерстве строительства.

Итак, при сравнительном анализе двух случаев оказалось, что *условия* ситуации и ее *результаты*, в двух случаях схожие, а *характер* процесса — разный. Будем искать различия этих случаев, которые привели к разному характеру мобильности, аналитически продвигаться от достаточно элементарных классификаций событий к некоторым концептуальным обобщениям, соединим эти обобщения в более «емкие» кластеры, постоянно возвращаясь к транскриптам в поисках аргументов для подтверждения теоретической идеи.

Иван Д.: 1904 года рождения, из дворянской среды. В гражданскую войну перешел на сторону «красных» и по окончании войны стал «спецом».

В транскрипте интервью с дочерью Ивана Д. мы находим основание для первичной гипотезы:

«...У папы было много знакомых, еще по дореволюционным временам, которые знали его как хорошего специалиста и приглашали на работу, когда начиналась новая стройка. Все они были крупные инженеры, еще дореволюционные, папа всегда вспоминал их известные фамилии... В 1937 и впоследствии все они погибли. А у папы, наверно, хватало ума, поэтому он часто переезжал с места на место. Сами понимаете, биография у него была не лучшая, а про то, что он окончил семинарию, мы вообще никогда не упоминали. Вот, например, мы уехали из Азовстали, а примерно через год там всех взяли, весь трест сразу, все руководители были арестованы. А его, наверно, Бог миловал...»

Таким образом, *дополнительный источник* информации уточнил субъективный смысл описанных перемещений и навел на предположение о «стратегии убегания» как способе избежать репрессий в сталинские годы.

При сопоставлении с *противоположным* случаем — Иваном К. выясняется, что тот был выходцем из крестьян.

На основе сопоставления двух случаев родилось следующее уточнение: миграции Ивана Д. по отдаленным от Москвы районам являются стратегией, типичной для «спецов» — выходцев из

дореволюционных образованных слоев. Это был способ «убегания» от власти и репрессий, а не стремление сделать карьеру. Для Ивана К., выходца из крестьян, эти миграции, напротив были средством быстрого «вхождения во власть». *Социальный контекст* ситуации проясняет судьбы двух Иванов: времена репрессий, поддержка выходцев из крестьян, политика преследований по отношению к «бывшим» специалистам. Здесь мы имеем основание сделать первичное обобщение на уровне типизации случаев: «избегательная» и «достижительная» стратегии, характерные для выходцев из разных слоев. Концептуализируем первый случай в понятиях властных отношений: это была стратегия «убегания от власти» как способ избежать репрессий. Данную стратегию практиковали в 30—40-е годы выходцы «из бывших».

Окончательно это концептуальное построение можно выразить так: стратегии высокой социальной мобильности в 30—40-е годы были субъективно обусловлены разным социальным смыслом: выходцы из бывших привилегированных слоев использовали ее как стратегию «убегания» от власти и ее преследований, тогда как выходцы из низших слоев использовали ее для быстрого вхождения во власть и достижения властного статуса.

Выдвинутая идея о жизненной стратегии выходцев из «нетрудовых слоев» в описанные годы может претендовать на статус «минитеории». Мы дали ей наименование (стратегия «убегания от власти»), она опирается на реальные факты и не противоречит здравому смыслу. Даже если подобную стратегию использовали не все выходцы из «бывших», это ничуть не умаляет ее эвристической ценности. Наша теория удовлетворительно объясняет соответствующие события и помогает осмыслить немаловажные особенности социальных реалий тех лет. Вместе с тем, мы теперь лучше понимаем конфигурации вертикальной мобильности в советской России 30—40-х годов. За внешне похожими фактами скрываются совершенно разные *социальные смыслы*, человеческих поступков, социального поведения людей.

Классическим примером поэтапного восхождения от фактов к теории может служить исследование Э. Гоффмана о «моральной карьере психиатрического пациента» [86]. Наблюдая процесс изменения идентичности человека до и после заключения его в психиатрическую лечебницу, он фиксирует поэтапные ее изменения: от «нормальных» индивидов до превращения в «больных», лишенных статуса «нормального» члена общества. Концептуализируя этот случай, Гоффман поднимается до теоретических обобщений о границах «нормальности» и «ненормальности» в обществе. Кто и как их устанавливает? Где проходят эти границы?

СПОСОБЫ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Кроме наиболее общего способа построения аналитической теории, описанного выше, существуют его модификации, при которых исследователи ориентируются на разные способы построения теории. М. Малышева в своей статье «Способы кодирования и анализа качественных данных» [31] приводит классификацию таких способов, используемых разными исследователями:

1. *Поступательная аппроксимация* (приближение, соответствие) как переформулировка концепций путем их постоянного неоднократного сопоставления со свидетельствами, полученными в поле. В процессе такого сопоставления концепции постоянно оттачиваются, в результате свидетельства и теория наиболее адекватно соотносятся друг с другом.

2. *Иллюстративный метод*, где эмпирические свидетельства используются для того, чтобы проиллюстрировать или «привязать» теорию к эмпирии. Существовавшая ранее теория оставляет «открытые ящики», пустоты, не описанные теорией, и исследователь выясняет, могут ли полученные им эмпирические свидетельства заполнить эту нишу. Новые свидетельства могут как опровергнуть, так и подтвердить ранее существовавшую теорию.

3. *Аналитическое сравнение* (Дж. С. Миль). Исходя из уже существующих теорий, исследователь развивает идеи о повторяющихся образцах отношений или поведения. Он фокусируется на нескольких постоянно воспроизводящихся явлениях и ищет повторы таких образцов внутри определенного социального контекста.

4. *Метод согласия* развивает предыдущий тип теории, фокусируясь на том, что является общим для всех случаев. Исследователь устанавливает, что случаи имеют сходный общий результат, и ищет общие причинные факторы, приведшие к такому сходству.

5. *Метод различия* отбирает случаи, которые сходны по большинству своих параметров, но по некоторым существенно различаются. Фиксируются черты, которые делают случаи схожими, и черты, посредством которых они различаются. Путем сопоставления исследователь отыскивает черты, которые ведут к различиям в причинах и результатах.

6. *Анализ доменов*. Этнографический подход Дж. Спредли [112] основывается на определении базовых единиц культурного окружения — доменов, организующих определенную концепцию или идею. Путем объединения доменов в более широкие темы достигается более широкая интерпретация культурного смысла данного сообщества.

7. *Идеальные типы* являются моделями или абстракциями социальных отношений или процессов, которые используют многие социологи. Они являются чистыми образцами, которые позволяют соотнести реальные проявления с определенной идеальной моделью.

8. *Выделение контекста* применяется как способ сопоставления идеальных типов в разных контрастных контекстах, что позволяет выявить специфическое или уникальное в каждом из контекстов.

9. *Аналогии* служат для логического сравнения с целью доказательства, что два явления или объекта определенным способом сходны.

10. *Поиск опровергающих или отсутствующих случаев* представляет собой мысленный эксперимент, концентрирующийся на отсутствии данной характеристики в реальной жизни. Рассуждение строится по принципу: что бы произошло, если бы данная характеристика присутствовала? Это позволяет осознать отсутствие явления и проинтерпретировать его отсутствие для данного случая.

Здесь мы только перечислили разные типы анализа качественных данных. Более подробно о них самих и примерах их использования можно узнать из статьи М. Малышевой.

Сформулируем основные рекомендации по созданию адекватной мини-теории.

- Изучение всех доступных источников информации по проблеме в библиотеке.
- Использование сравнительного метода как способа построения теории. Особенно важно «сравнение от противного», т. е. поиск фактов и ситуаций, которые противоречат (или теоретически могли бы противоречить) уже найденным закономерностям.
- Создание новых мини-теорий не может быть плодотворным без знания уже существующих теорий и исследований в данной области.
- Теория, основанная на фактах, предусматривает анализ *всей* совокупности данных, полученных в ходе исследования. Окончательная ее формулировка иллюстрируется отдельными, наиболее характерными примерами.
- Концепции и теории, опирающиеся на более широкий круг данных, могут впоследствии уточнить первоначальную формулировку теории, а иногда и вовсе ее опровергнуть.
- В заключительном отчете (публикации) желательно описать последовательность всех этапов «восхождения» к научным абстракциям, всех процедур, которые привели к формулировке гипотез, что послужит основанием для признания ее обоснованной.

Обобщая описанный выше путь восхождения от фактов к теории, можно заметить, что в целом процесс интерпретации и теоретизирования проходит несколько стадий: от «плотного» описания до концептуального представления результатов (схема 5):

Схема 5
Стадии анализа и интерпретации данных

1 стадия	2 стадия	3 стадия	4 стадия	5 стадия
Первичный текст (дневники, автобиографии, письма). Собственный опыт социолога.	Редактированный первичный документ	Систематический тематический анализ, «плотное» описание событий, тем; их объединение в кластеры.	Верификация гипотез примерами из интервью, текстов.	«Выстраивание» на основе кооптуализаций первичной теории и дальнейшая ее проверка данными наблюдений.

Однако даже досконально выучив правила поэтапного анализа, нельзя ожидать «автоматического» рождения новой теории. В любом качественном исследовании существенно авторское начало, то, что остается за рамками любых правил. Это — научная интуиция, способность осмысливать, сопоставлять полевые данные, быть «настроенным» на социологический анализ. Недаром случайным толчком исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого о польских крестьянах стали никому не нужные письма, выброшенные из окна и подобранные будущими классиками.

В заключение обращаем особое внимание на

Типичные ошибки и трудности качественного анализа:

- Субъективизм интерпретации, вытекающий из односторонности анализа объекта. Способ преодоления — триангуляция.
- Поспешное обобщение данных, основывающееся на малом количестве случаев или неглубоком анализе каждого случая.
- Пренебрежение проверкой надежности информации всеми доступными способами.
- Пренебрежение проблемой памяти людей в изложении прошлых событий (даты и детали событий).
- Необходимо помнить, что актуальная ситуация и сегодняшние оценки могут накладывать отпечаток на описание индивидом прошлых событий.

Теперь, когда мы знаем правила действий, избегаем ошибок, успех зависит от нашей эрудиции и способностей.

Практические задания

1. Опишите полученные эмпирические данные в обобщенных категориях и определите, что в вашем исследовании относится к разряду категорий, а что к разряду субкатегорий. Попробуйте отразить это схематично, следуя образцу на с. 201.

2. Отберите категории и субкатегории, которые могут быть использованы при дальнейшем построении концепции.

3. Что в вашем случае будет относиться к кластерам и каковы будут связи между отдельными субкатегориями? Покажите это на схеме.

4. Попробуйте построить свою мини-теорию, используя метод восхождения к теории.

Рекомендуемая литература:

- О способах теоретизации: *Мальшиева М.* Способы кодирования и анализа качественных данных/ В кн.: Возможности использования качественной методологии в тендерных исследованиях.
- О методе восхождения к теории: *Strauss A., Corbin J*-Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques.